

УДК 322:27-788(470)“18/20”

<https://doi.org/10.24412/2224-5391-2024-48-187-221>

Научная статья / Original article

М. Ю. Нечаева

*Институт истории и археологии Уральского
отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Российская Федерация*

Архивы православных монастырей Среднего Урала синодального периода: состав и сохранность

Аннотация. Статья посвящена анализу состава сохранившихся на Среднем Урале архивов монастырей синодального периода и определявших этот состав обстоятельств, и выявлению динамики и причин утраты несохранившихся фондов. На основе изучения законодательства и управленческих практик монастырей показано, что нормативные положения, разработанные в синодальный период относительно порядка делопроизводства и хранения дел в архивах для государственных присутственных мест, православные обители адаптировали под особенности своих управленческих практик. Адаптация шла в направлении упрощения и отказа от неактуальных форм регистрации делопроизводства. Передача документации из монастырской канцелярии в архив тоже могла происходить с отступлениями от существующих правил. Описания архивов монастыри проводили по мере осознания делопроизводственной необходимости в систематизации документов, намерения опубликовать ставшие популярными в XIX в. «исторические описания» обителей и кадровой обеспеченности архивной работы. Из монастырей Среднего Урала только Далматовский Успенский монастырь с начала XIX в. имел описи архивных материалов и структурировал дела по тематическому принципу. Утраты архивов многих монастырей синодального периода были обусловлены проведением ряда реформ в XVIII в. (закрытие мало-братственных монастырей, сокращение численности монашествующих по причине ограничений и запретов на постриг, штатная реформа 1764 г.). Со стороны светской и церковной власти не было предпринято попыток сохранения этих архивов, поскольку господствовало сугубо утилитарное отношение к архивным документам как к справочному компоненту текущих управленческих практик. Архивы монастырей, появившихся на Среднем Урале в конце XVIII — начале XX вв., оставались недооцененными членами ученых комиссий, церковно-археологических обществ, Исторического общества в XIX — начале XX вв., направлявших свои усилия на выявление и описание более древних документов. Изменившийся в 1917 г. политический строй, отличавшийся в идеологическом

плане активной антирелигиозной позицией, привел к закрытию всех монастырей на Среднем Урале, как и в подавляющем большинстве других регионов. Архивы закрытых монастырей, особенно существующих относительно недавно, не были сочтены исторической ценностью и подверглись уничтожению. Архивы монастырей, имеющих более древнюю историю, на Среднем Урале были переданы на государственное хранение. В итоге из 47 архивов монастырей, существовавших в регионе в синодальный период, ныне сохранилось только четыре.

Ключевые слова: монастыри, православные монастыри, синодальный период, Средний Урал, монастыри Урала, архивы, монастырские архивы, фонды монастырей

Для цитирования: Нечаева М. Ю. Архивы православных монастырей Среднего Урала синодального периода: состав и сохранность // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2024. № 48. С. 187–221. <https://doi.org/10.24412/2224-5391-2024-48-187-221>

Поступила в редакцию 11.09.2024

Принята к публикации 30.10.2024

Marina Yu. Nechaeva

*Institute of History and Archaeology of the Ural
Branch of the Russian Academy of Sciences
Ekaterinburg, Russian Federation*

Archives of Orthodox Monasteries of the Middle Urals of the Synodal Period: Composition and Preservation

Abstract. The article analyzes the composition of the monasteries archives of the Synod period preserved in the Middle Urals, and the circumstances that determined this composition, and, also, identifies the dynamics and reasons for the loss of non-preserved funds. Based on the study of legislation and management practices of monasteries, it is shown that the normative provisions regarding the order of record keeping and storage of files in archives for state offices developed in the Synodal period, were adapted by Orthodox monasteries to the specifics of their management practices. This adaptation was manifested in simplification and rejection of outdated forms of registration of office work. The transfer of documentation from the monastery office to the archive could also occur with deviations from existing rules.

The monasteries began to carry out descriptions of archives as soon as the clerical need to systematize documents became evident, the staffing was ensured and the tendency to publish “historical descriptions” of monasteries during the 19th century gained popularity. Among the monasteries of the Middle Urals, only the Dalmatovo Assumption Monastery had been in operation since the beginning of the 19th century. It had inventories of archival materials and structured cases according to the thematic principle.

The loss of the archives of many monasteries of the Synodal period was reasoned by a number of reforms of the 18th century (closure of minor monasteries, reduction in the number of monastics due to restrictions and prohibitions on tonsure, staff reform of 1764). On the part of the secular and ecclesiastical authorities, no attempts were made to preserve these archives, since a purely utilitarian attitude to archival documents as to the reference component of current management practices prevailed.

The archives of monasteries that appeared in the Middle Urals in the late 18th — early 20th centuries remained underestimated by members of scientific commissions and church archaeological societies, as well as historical societies in the 19th — early 20th centuries, directing their efforts to identify and describe more ancient documents. The political system that changed in 1917, displayed ideologically active anti-religious position, which led to the closure of all monasteries in the Middle Urals, as it was in the vast majority of other regions. The archives of closed monasteries, especially those that existed relatively recently, were not considered of historical value and were destroyed. The archives of the monasteries with much older history in the Middle Urals were transferred to state custody. As a result, of the 47 archives of monasteries that existed in the region during the Synodal period, only 4 have been preserved.

Keywords: monasteries, Orthodox monasteries, Synodal period, Middle Urals, monasteries of the Urals, archives, monastic archives, funds of monasteries

For citation: Nechaeva M. Yu. Archives of Orthodox Monasteries of the Middle Urals of the Synodal Period: Composition and Preservation. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii* = *Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 2024, no. 48, pp. 187–221. <https://doi.org/10.24412/2224-5391-2024-48-187-221> (In Russian).

Submitted on 11 September, 2024

Accepted on 30 October, 2024

Активное использование исследователями сохранившихся архивных фондов церковных учреждений синодального периода неизбежно ставит вопрос о полноте сохранившихся собраний и об истории утрат фондов, определяющих репрезентативность сохранившейся источниковой базы для изучения различных исторических проблем. Следует признать, что современный уровень изученности этого вопроса весьма недостаточен, хотя история церковного делопроизводства и церковных архивов привлекает внимание историков. В настоящее время имеются работы, посвященные истории архива Синода, отдельных архивов консисторий, духовных правлений, приходов, монастырей¹. Изучение истории

¹ Здравомыслов К. Я. Архив и библиотека Святейшего Синода и консисторские архивы. СПб., 1906; Крылов Н. С. Из истории Синодального архива в XVIII в. // Отечественные архивы. 2014. № 4. С. 3—11; Старостин Е. В. Архивы Русской Православной Церкви (X–XX вв.): уч. пос. М., 2011. 255 с.; Спичак А. В. Документы приходских церквей Тобольской епархии XVIII — начала XX вв.: основные разновидности и эволюция форм: монография. Нижневартовск, 2017; *Ее же*. Кадровое

делопроизводства и архивного дела в государственных присутственных учреждениях России, более представленное в современной историографии², будучи частью учебных программ по соответствующим специальностям, тоже способствует пониманию контекста, в котором формировались, существовали и исчезали архивы церковных учреждений.

На протяжении синодального периода на Среднем Урале³ существовало 47 монастырей⁴, однако в настоящее время в государственных архивах и музеях имеются 4 фонда, действительно представляющих их архивы. Когда и как сложился состав документов, типичный для монастырских архивов этого времени, когда и почему утрачивались архивы обителей?

Нормы делопроизводства в государственных учреждениях и их адаптация в управленческих практиках монастырей

Состав комплекса документов в монастырях синодального периода определяли два фактора: исходящие от светских и церковных властей указания о порядке делопроизводства и сохранении документов и управленческие практики самих монастырей.

Предписания о порядке передачи дел и перечень документов, подлежащих такой передаче, существовали и в предыдущий период. Наиболее известны предписания представителям региональной светской власти — воеводам. При вступлении в должность с XVII в. они обязаны были принять лично у своего предшественника приходные книги, описи имущества (включая денежную и хлебную казну, адмиралтейские, оружейные и провиантские запасы), «всяких чинов людям именные списки», грамоты и указы «Великих Государей» и изда-

делопроизводство в Тобольской епархии в XVIII — начале XX вв.: монография. Нижневартовск, 2018; Горькавая Г. П. Монастырские архивы г. Москвы: история формирования, состав фондов и проблемы описания, XIII–XX вв.: дисс. ... к. и. н. М., 2000; Снытко О. В. Архив Новгородской духовной консистории: история, проблемы создания научно-справочного аппарата // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2005. Вып. 18. С. 171–194; и др.

² Бабич М. В. Государственные учреждения России XVIII в.: справочное пособие. Вып. 1. М., 1999; Цеменкова С. И. История архивов России с древнейших времен до начала XX века: [уч. пос.] Екатеринбург, 2015; Илюшенко М. П. История делопроизводства в дореволюционной России: уч. пос. М., 1993; Русакова С. В. Эволюция системы документирования деятельности губернских учреждений XVIII — начала XIX вв.: по документам Государственного архива Тверской области: дисс. ... к. и. н. М., 2006; и др.

³ Границы епархий, как и их количество, неоднократно менялись в синодальный период. Так, до конца XVIII в. географическая территория Среднего Урала входила в состав Вятской и Сибирской епархий, с 1800 г. была объединена в Пермской епархии, пространственно совпадавшей с Пермской губернией, в 1885 г. из ее состава была выделена самостоятельная Екатеринбургская епархия.

⁴ К началу периода было 20 монастырей и пустыней, к концу существовало 30 официально учрежденных монастырей и монашеских общин.

ние Соборного уложения⁵. С 1696 г. эти предписания конкретизировались угрозой штрафования по 500 рублей уехавших без сдачи дел, вещей и казны⁶, с 1697 г. — возложением недостачи средств на воевод, не принявших положенным порядком дела и имущество у своих предшественников⁷, с 1701 г. — уточнением, что переданы должны быть и наказы прежним воеводам и служилым людям, и предписанием составлять описи передаваемого имущества в двух экземплярах, один из которых должен отправляться в инстанцию, назначившую воеводу⁸.

В начале синодального периода такой порядок передачи дел и казенных вещей был подтвержден для всех чиновников. В 1722 г. указывалось, что дела передаются по канцелярской описи в присутствии контролера⁹. В 1728 г., уже в общем «наказе губернаторам и воеводам и их товарищам», а не в персональных, как прежде, был детально описан весь порядок передачи дел и документов: «Приехав в город, и городовые ключи и уложения и регламенты и всякие указы и дела, и где есть, служилых людей списки, артиллерии, аммуниции со всякими к ней принадлежностями и прочее, что есть на лицо, и наличную сборную денежную казну, и все, что к их управлению надлежит, у тех людей, у кого оное было, освидетельствовав по прежним описям или росписным спискам, как прежде бывало, а деньги и провиант и прочая по приходным и расходным книгам; а ежели явятся сундуки или ящики за печатями прежних канцелярских служителей, которые померли, или куды взяты, и не малое время отлучены, то те сундуки и ящики самим и Воеводам распечатав и в них дела и денежную казну, и что явится, описать, и все вышеписанное принять, и во всем росписаться, и тот росписной список за своими руками прислать в Сенат, а таков же оставить в Канцелярии; а из провинциальных и приписных городов таковы ж отсылать к своему Губернатору, а ежели чего на лицо не явится, то взыскивать на тех, у кого на руках было, неослабно, и как оное все взыскано будет, о том писать в Сенат; а буде то взыскание упущено будет, то взыщется на Губернаторах и Воеводах на самих неотменно. Ежели же которой прежний Губернатор и Воевода, не отдав всего по росписному списку, из города уедет без указа, и о таких писать в Сенат, а из Сената оных сыскивая и штрафовав по рассмотрению, отсылать для отдачи города и прочего вышеписанного всего по росписному списку, в те города, кто откуда без указа уедет, на их коште.

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (далее — ПСЗ-1). СПб., 1830. Т. III. № 1527. С. 215; № 1540. С. 226–234; № 1542, п. 1, 3. С. 235–254; № 1579, п. 1–2. С. 284–301; № 1585, п. 1, 2. С. 307–322; № 1594, п. 1, 2. С. 335–375; № 1650. С. 485–489; № 1792, л. 1, 2, 3. С. 26–42.

⁶ Там же. № 1547. С. 257–258.

⁷ Там же. № 1579, п. 1–2. С. 284–301.

⁸ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. IV. № 1822, п. 1. С. 95–129; № 1835. С. 140–149; № 1836, п. 1, 2. С. 149–150.

⁹ Там же. № 3937. Регламент о управлении Адмиралтейства и верфи и часть вторая Регламента Морского. Гл. 1, ст. 52; гл. IV. ст. 9. С. 255–637.

А которому Губернатору и Воеводе хотя и по указу куда повелено будет ехать, то ему город и все вышеписанное отдать товарищу своему, или прочим управителям, кто при нем будет, а не отдав из города не выезжать»¹⁰. В этом же наказе было предписано и при любых отбытиях от места службы «не на малое время» или при отрешении от должности канцелярских служителей «повытъя его всякие дела, не отпуская его, кроме самых важных дел, велеть ему, описав, отдать, кому повелено у него будет принять, с роспискою»¹¹.

Наиболее детально порядок делопроизводства и передачи дел в архивы был разработан в Генеральном регламенте 28 февраля 1720 г. Он определял формы регистрации входящей и исходящей документации, сроки исполнения предписаний, сроки и порядок передачи документов в архивы.

Регламент предписывал все документы держать только в соответствующих присутствующих местах и не уносить чиновникам на дом (гл. 16), регистрировать их в хронологическом порядке в четырех книгах: 1) исходящие документы из присутственного места к императорам, 2) исходящие документы во все остальные инстанции, 3) входящие предписания от императоров и Сената, 4) входящие документы от всех остальных инстанций. Указана была и форма ведения таких записей копиистом (на примере первого вида книг): «...перемечивает он в книге листы и ставит на одной стороне число и месяц, на другой стороне год и означивает по том кратко дело, к кому куда отправлено, после того вписывает он весь документ, с числом и подписанием всех чинов». Кроме этих книг полагалось ведение журнала (повседневной записки), в котором «по алфавиту, числу и месяцу, вкратце выписать, содержание каждого дела и имя, к тому принадлежащих особ, и место, к кому и куда дело послано». Контроль за ведением таких книг и журналов, хранением и распределением документов должен был осуществлять регистратор (гл. 33). Секретарь присутственного места должен был следить за ходом решения всех дел и правильным составлением документов. Для лучшего контроля за решением всех дел предписывалось в канцеляриях присутственных мест «два реестра держать, один вершеным и по оным исполненным, а другой, которые дела вершены, а не исполнены действием, на которых прикажет секретарь написать число и нумер и чрез вахтмейстера или канцелярского служителя прибить в удобном месте к стене, дабы всякой, кому дело есть, всегда видеть мог, которое дело приговорено и которое уже отправлено» (гл. 29). Кроме этого была предусмотрена должность актуариуса, который должен был собирать всю входящую документацию и фиксировать ее в реестре с указанием листов, а также вести квитанционную книгу, в которой отмечать, кому из служителей какие документы переданы (документы должны были отдаваться и возвращаться под расписку слу-

¹⁰ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. VIII. № 5333, п. 2. С. 94–96.

¹¹ Там же. П. 4. С. 96.

жителей) (гл. 32). Таким образом, предусмотренная Регламентом система регистрации документов включала 9 видов книг, ведением которых занимались бы секретарь, регистратор, актуариус, и необходимое количество копиистов¹².

Регламентировались и сроки решения дел: по вопросам, не требующим сношений с иными инстанциями, — неделя, «ежели скорее нельзя», если же необходимы сношения центральных с региональными инстанциями — не более месяца на решение дела на местах и «давать срок до губернии и провинции на проезд в один путь на сто верст по два дни». При невозможности решить дело в эти сроки местные инстанции обязаны были уведомить заблаговременно и исполнить порученное не позже еще двух недель, после чего столичная инстанция имела неделю на завершение дела. Неисполнение дел в эти сроки — традиционно для российского законодательства петровского времени — грозило «наказанием смертным или ссылкой на галеры и лишением всего имения по силе дела и вины» (гл. 4).

Впрочем, угрозы такого наказания не привели к абсолютному соблюдению сроков решения дел. Так, именной указ 18 сентября 1727 г. снова требовал решения всех дел в указанные Генеральным регламентом сроки «безволокидно» и рассылался и по церковным инстанциям¹³. Упоминал о необходимости соблюдения сроков рапортования о получении и исполнении указов и наказ губернаторам и воеводам 1728 г.¹⁴

Соображениями повышения дисциплины решения дел была определена и передача документов в архив. Генеральный регламент предписывал передавать дела в архив по прошествии 3 лет, «токмо из того изъяты суть особливые уставы, регламенты и все те документы и книги, которые в коллегиях и канцеляриях, и канторах для справки, и правила их всегда при них быть имеют» (гл. 44).

В изданном в 1728 г. Наказе губернаторам и воеводам тоже предписывалось создание на губернском, провинциальном и городском уровнях в регионах архивов, куда бы передавались дела, находившиеся в «преждебывших разных Канцеляриях и Конторах», за исключением тех, которые находились в ведении магистратов. Дела велено было составить «росписной список», «а чтоб оные впредь порядочно были содержаны, то велеть к настоящему и будущему правлению, яко уложение, регламенты и инструкции, указы, окладные и доимочные книги и прочее тому подобное содержать в своей Канцелярии, а вершенные и действием оконченные и старых лет дела, которые уже к действию

¹² ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. V. № 3534; Генеральный Регламент // Законодательство Петра I. М., 1997. С. 99–124. Еще до издания Генерального регламента сенатским указом от 30 января 1720 г. такой порядок регистрации документов (в более сжатом описании) был предписан канцелярии Сената (см.: ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. VI. № 3498. С. 122–123).

¹³ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания (далее — ПСПиР). Изд. 1. СПб., 1889. Т. VI: С 8 мая 1727 по 16 января 1730. № 2049. С. 96–97.

¹⁴ ПСЗ-1. Т. VIII. № 5333, п. 3. С. 96.

и решению не подлежат, те отобрав, положить в особое безопасное место, и учинить им роспись с нумерами, чтоб в случае приисков не было затруднений, и никакое б дело не утратилось, также и впредь окончанные и вершенные дела в помянутое хранение с роспискою отдавать и в росписи вносить»¹⁵. Таким образом, и в регионах документы разных учреждений предполагалось группировать в единых архивах.

О том, что предписания Генерального регламента по организации делопроизводства и передаче дел в архив распространялись и на канцелярию Синода, свидетельствует его указ 28 февраля 1740 г., в котором, со ссылкой на положения Регламента, предписывалось состоящим в Синодальной канцелярии протоколисту, актуариусу, регистратору, канцеляристам и подканцеляристам передать все решенные дела, кроме нужных в текущем управлении документов, архивариусу Михаилу Семенову. Документы должны были передаваться под расписку, с реестрами, и впредь такие передачи должны были стать регулярными. Дела же «прежних лет», оставшиеся нерешенными, требовалось рассмотреть и тоже передать в архив: «А ему Семенову, те дела по приеме особливо все описать, и сочинить им по годам, по месяцам и числам генеральный с номером без всякого продолжения реестр; а потому реестру и дело каждое на особой обертке подписав и разномеровав, который надлежит переплев, положить в хранение, в удобное место, где показано будет, и содержать за замком и печатью своею, со всеприлежным наблюдательством в целости»¹⁶.

О том, что культура архивного дела и по прошествии десятилетий после издания Генерального регламента оставляла желать лучшего, свидетельствует сенатский указ 28 мая 1768 г., изданный после того как одна из книг Вотчинной конторы, переданная на архивное хранение, была найдена в Петербурге на Петровском острове в снегу. Помимо учиненного по инциденту следствия Сенат счел нужным издать указ для всех присутственных мест, как столичных, так и губернских, провинциальных и воеводских, предписывающий: «1. Чтoб в каждом месте к определению в Архивариусы Присутствующими выбираемы были люди трезвого жития и неподозрительные, в пороках и иных пристрастиях не примеченные, и 2. Дабы архивы непременно в каждый год один раз самими Присутствующими с прилежным наблюдением свидетельствованы были; ибо в противном случае за непорядочное содержание архив, так как и за несмотрение над находящимися при них Архивариусами подвержны будут по законам ответу сами они присутствующие, по мере учиненного им в сем случае пренебрежения, и последовавшего от того какого либо рождающего злоупотребление непорядка»¹⁷. 30 июля 1768 г. Синод разослал указ об этом же

¹⁵ ПСЗ-1. Т. VIII. № 5333, п. 2. С. 96.

¹⁶ ПСПиР. Изд. 1. СПб., 1911. Т. X: 1738 — 24 ноября 1741 гг. № 3528. С. 350.

¹⁷ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. XVIII. № 13127. С. 682–683.

в канцелярию Синода, к синодальным членам, в Московские Синодальную и типографскую конторы и в епархии к преосвященным архиереям¹⁸.

Не всегда соблюдались и сроки передачи завершенных дел в архивы. Так, в 1800 г. Сенат вынужден был напомнить всем присутственным местам (включая и подведомственные Синоду) об ответственности за своевременную передачу дел, поводом к чему послужило прошение губернского секретаря Деревяницкого о выплате ему жалования за составление описи передаваемых им в архив дел, оказавшихся непереданными на протяжении 17 лет его работы¹⁹. В 1825 г. Сенат снова вынужден был издать указ, на этот раз по запросу Адмиралтейств-коллегии, разъясняющий, что дела в архив надо сдавать в указанные сроки, а не в процессе увольнения или выхода в отставку отвечавшего за это чиновника²⁰.

Следует отметить, что предписания о системе делопроизводства, порядок передачи дел при вступлении в должность, сроки и порядок сдачи дел в архивы формулировались прежде всего для светских присутственных мест, а не для церковных организаций, в том числе монастырей. Однако в силу регулярного взаимодействия с различными светскими властными инстанциями церковные учреждения уже вынуждены были соблюдать сроки предоставления документов и их оформления. После учреждения Синода, официально называемого не только Святейшим, но и Правительствующим, сам Синод и его канцелярия должны были придерживаться норм ранее изданного Генерального регламента, и постепенно подведомственные Синоду церковные организации тоже ввели аналогичные формы регистрации документации, упрощая их с учетом реальных административных практик.

У светских и церковных учреждений имелись и общие для управленческой культуры своего времени подходы к определению практической ценности тех или иных документов, сохранению которых придавалось большее значение. Например, в наказе назначенному в 1741 г. настоятелем Верхязвенской пустыни игумену Индису епископ Вятский и Великопермский Вениамин предписывал вершить дела по Духовному регламенту и «преждеприсланным в ту пустыню указам», а «присланные о разных делах указы и всякие монастырские дела тоя пустыни у казначея принять по описи с таким оглавлением, что по тем указом исполнено и чего неисполнено, и зачем и кем то упущено, а ежели явятся дела невершенные, те вершить по указом, да те описи за руками одну оставить в той пустыне, а другую прислать в духовный наш приказ немедленно»²¹. Как видим, порядок

¹⁸ ПСПиР. Царствование Государыни Императрицы Екатерины Второй. СПб., 1910. Т. I: 1762–1772 гг. № 447. С. 522.

¹⁹ ПСПиР. Царствование Государя Императора Павла Первого. 6 ноября 1796 г. — 11 марта 1801 г. Петроград, 1915. № 481. С. 592–593; ПСЗ-1. Т. XXVI. № 19456.

²⁰ ПСЗ-1. Т. XL. № 30316. С. 196.

²¹ Указ Епископа Вятского и Великопермского Вениамина игумену Индису, [1741 г.] // ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 185. Л. 38–38 об.

передачи дел монастырским настоятелям, как и указы воеводам и губернаторам, предусматривал особое внимание к сохранению указов, причем, в соответствии с Генеральным регламентом (на который в этом наказе, в отличие от Духовного регламента, епископ не счел нужным сослаться), всем монастырским документам должна была вестись опись, по которой дела и передавались, особому контролю настоятеля подлежало своевременное решение дел, чему должна была способствовать и отправка копии передаточной описи правящему архиерею.

Обращение к сохранившимся фондам монастырей Среднего Урала показывает, что предписанная Генеральным регламентом система регистрации входящих и исходящих документов прижилась в обителях в сокращенном виде. Вместо 9 видов различных регистрационных книг, указанных выше, регулярно вели 2 вида реестров: всех входящих и всех исходящих документов, к которым в хронологической последовательности подшивались оригиналы входящих и черновики исходящих документов (а не переписывались в реестры, как это было предусмотрено Регламентом). Могли отдельными томами существовать годовые массивы входящей и исходящей документации, а могли вестись и объединенные варианты, когда после входящего документа подшивался исходящий (или несколько исходящих) документ о получении и исполнении указа. В таком виде система регистрации и хранения документов была близка и к традиции хранения документов, характерной для досинодального периода. Эту преемственность подтверждает, например, и название одного из дел архива Соликамского Троицкого монастыря, датированного уже последней четвертью XVIII в.: «В сем столпу монастырские дела с 1783 по 1792 год, то есть за десять лет»²²

Использование сокращенного варианта регистрации документов в монастырях было обусловлено здравым смыслом: годовые объемы документации были не столь велики, как в коллегиях, к тому же в монастырях первых десятилетий этого периода остро ощущалась нехватка грамотных людей из числа монашествующих, чтобы вести развернутую регистратуру. В отдельные годы в некоторых монастырях велись реестры решенных и нерешенных дел, но эта практика не стала регулярной и вызывалась обычно либо каким-то инцидентом, показывающим запущенность дел, или очередным напоминанием властей о необходимости придерживаться предписанных сроков решения дел.

Как и когда познакомились в монастырских правлениях с нормами делопроизводства по Генеральному регламенту, сказать сложно. Изученные нами архивные и опубликованные документы ничего не говорят об этом. Опись библиотеки Далматовского монастыря фиксирует его только в издании 1735 г., и то начиная с описи 1761 г.²³ Сами монастырские власти практически не ссылались на Генеральный регламент в своих решениях.

²² Соликамский музей-заповедник. Фонд Соликамского Троицкого монастыря. Оп. 1. Д. 52.

²³ Инвентарная опись монастырских имуществ, 1761 г. // ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 654.

Нормы Генерального регламента приживались в монастырях постепенно и не в полном объеме. Не получили распространения формы регистрации коллегиального характера решений (журналы и протоколы заседаний). Это неслучайно: в монастырях весьма небольшой процент решений принимался «с братского согласия» и коллегиальность имела традиционный, а не нововведенный характер. Не было и отдельной фиксации документов разного уровня от вышестоящих и нижестоящих учреждений; все их по получении складывали вместе «в стопу», «к другим делам», «наряду».

Книги входящей и исходящей документации вошли в практику монастырского делопроизводства уже в 20-е гг. XVIII в. Самая ранняя из обнаруженных нами в архивах монастырей Среднего Урала книг относится к 1725 г. и составлена в Далматовском Успенском монастыре. Она носит название «Книга записная Успенского Далматова монастыря в бытность казначея иеромонаха Евстратия в которые числа будут в получение Его Императорского Величества и о каких делах указы присланы ис Тоболска из архиерейского приказа в 725 году»²⁴ и полностью соответствует ему: в ней действительно находятся только распоряжения, полученные из Тобольского архиерейского приказа и пометы монастырского правления о исполнении по ним («ответствовано», «опубликовано по заказу», «исполнено»).

Обычно приходящие документы докладывались настоятелю монастыря (или лицу, выполняющему его обязанности — занастоятелю, наместнику, строителю), после чего заносились в книгу. Настоятель мог вынести свое решение как устно, так и письменно (такие пометы и резолюции зафиксированы на ряде входящих документов); решение это касалось как сути дела, так и хранения самого документа («записать в книгу», «хранить наряду»). На документе отмечалась дата его получения. Как правило, это делалось одновременно с его внесением в книгу. Канцеляристы не всегда отличались должной пунктуальностью и могли внести документ в книгу с опозданием, но даже тогда срок задержки регистрации не превышал двух недель. На самом документе могли фиксировать обе даты — получения и внесения в книгу. К концу месяца подводилась своеобразная ревизия и незафиксированные документы тоже регистрировались. Поэтому книга входящих и исходящих документов как источник действительно отражает поток делопроизводственной документации в самом процессе его создания, порожденном функционированием системы управления.

Книга 1725 г. фиксирует как входящую, так и исходящую документацию: на полях записи о полученном документе отмечалось, когда, куда, какой документ в его исполнение был отправлен. Позднее сложилась практика составления 2-х отдельных книг приходящей и исходящей документации (в Далма-

²⁴ ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 94. Л. 22–27.

товском Успенском монастыре фиксируется с 1746 г., в Верхотурском Николаевском — с 1763 г.).

Относительно массива исходящей документации книги представляют особый интерес. Практики создания копий документов, отправляемых в другие учреждения, специально для хранения в архиве монастыря не сложилось, в лучшем случае оставляли черновики таких посланий, а если документ был составлен сразу набело, то его просто отсылали, зафиксировав в книге краткое содержание (о таких документах в книге отмечалось «бесчерна»). На полях книг оставляли расписки в получении документов, т. е. книга оказывается не только отражающим материалом, но содержит и тексты некоторых первичных источников.

Какие же документы отражались в книгах входящей и исходящей документации? В фонде Далматовского монастыря сохранились книги 1725, 1736, 1746, 1750, 1752 гг.²⁵, с 1758 г. книг сохранилось больше. По архивной описи 1804 г.²⁶ помимо этих зафиксированы книги за 1730, 1731, 1733, 1734, 1755 гг., и документы этих лет действительно содержат пометы, характерные для составления книг. Если в 1725 г. фиксировались исключительно документы, полученные из церковных органов, то в 1730-е гг. отмечаются и документы светских канцелярий и внутримонастырская документация. Определить, были ли книги более раннего периода, затруднительно, поскольку подшивки документов потом неоднократно перенумеровывались, а на документах не делали столь однозначных записей о их включении в книги. Архив Верхотурского монастыря сгорел в 1762 г., поэтому говорить о времени появления книг в нем затруднительно, с 1763 г. они велись регулярно. В них тоже фиксировалась и внутримонастырская, и внешняя документация как церковных, так и светских органов.

В структуру записи в книге приходящих документов входили такие параметры информации, как вид документа, ближайший орган, из которого он получен, иногда от какого должностного лица, дата получения. В книге исходящих документов отмечались аналогичные характеристики. Кратко фиксировалось содержание источника: «Промемория из Верхотурской воеводской канцелярии о присылке отставных от военной службы к смотру салдат и о прочем», «Указ из канцелярии Тобольской духовной консистории о сочинении мужеских и женских состоящих монастырей ведомостей и о прочем»²⁷.

²⁵ Входящий журнал за 1725 год // ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 103; Входящий журнал за 1736 год // Там же. Д. 191; Входящий журнал за 1746 год // Там же. Д. 306; Исходящий журнал за 1750 год // Там же. Д. 393; Входящий журнал за 1752 год // Там же. Д. 3191.

²⁶ Архивная инвентарная опись, 1804 г. // ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 3161. Л. 29 об., 32 об., 34, 36, 45 об., 68, 79, 84, 90, 99 об., 104 об., 107, 109 об., 113 об., 120, 127 об.

²⁷ Реестр входящих документов, 1763 г. // ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 4. Л. 2, 3.

Монастырское делопроизводство

Вторым фактором, определявшим состав комплекса делопроизводства монастырей синодального периода, являлись управленческие практики самих обителей. Из них лишь некоторые обуславливались внутренними потребностями функционирования монастырей, значительная же часть была порождена политикой реформирования обителей того времени.

Внутримонастырская документация, как правило, фиксировалась и хранилась отдельно от переписки с внешними инстанциями. Основную ее часть составляли документы имущественного учета.

Постоянно велись прихода-расходные книги монастырского имущества и денег, эта традиция сложилась еще в предшествующий период. Спектр таких книг мог существенно варьироваться в зависимости от размеров и дифференциации монастырского хозяйства, пространственного расположения различных хозяйственных центров монастырского ландшафта и наличия достаточного числа грамотных лиц из числа монашествующих и монастырских служителей, которым могло быть поручено ведение таких книг. На Среднем Урале наиболее обширные владения были у мужских Пыскорского Преображенского монастыря (архив которого практически полностью утрачен, о чем см. ниже) и у Далматовского Успенского монастыря. Обязательность ведения приходных и расходных книг денежной казны и различных припасов в Синоде, архиерейских домах и монастырях была предписана и указом Синода от 12 февраля 1723 г. по требованиям, которые были сформулированы прежде для Адмиралтейств-Коллегии²⁸. Таким образом, этот вид документа, выработанный внутримонастырскими управленческими практиками, в синодальный период получил и нормативную регламентацию от центральных светских и церковных властей.

Прихода-расходные книги могли быть однопредметными или носить смешанный характер, но как правило, состав фиксируемой информации оставался достаточно стабильным. Для Далматовского монастыря спектр таких записей был наиболее широк: отмечали приход и расход пятинного хлеба²⁹, выдачу денег, одежды и обуви монастырским служителям и монахам³⁰, скота и хлеба

²⁸ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. VII. № 4165. Историю изменения нормативных требований к составлению прихода-расходных книг в синодальный период см. подробнее: *Спичак В. В.* Документы приходских церквей... С. 56–59.

²⁹ Книга записи сдачи крестьянами пятинного хлеба монастырю, 1745–1750 гг. // ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 158; Ведомость прихода недоимок пятинного хлеба с монастырских крестьян, 1748 г. // Там же. Д. 352; и др.

³⁰ Книга регистрации выдачи одежды и обуви монахам, 1733 г. // ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 169; Книга выдачи денежного и хлебного жалованья монастырским служителям, 1750 г. // Там же. Д. 427; и др.

крестьянам³¹, железа в кузницу³², провианта на монашескую трапезу³³, фиксировали работы крестьян на монастырь³⁴, доходы с мельниц³⁵, выделяемые различным представителям власти с согласия братии презенты³⁶, братские церковные доходы³⁷. Поскольку в некоторые годы в обители было два казначея (по приходу и расходу средств), отдельно могли вестись и книги прихода и расхода. Структура записей одинакова: когда, что, кому, на что выдано или кто, когда, какие работы выполнял, как долго. В названии книги указывалось, кто ее составлял, в записях изредка упоминалось, по чьему приказу проведена выдача.

При смене настоятеля или казначея в обители составляли опись монастырского и церковного имущества, обычно хранившуюся отдельным томом, на полях которого впоследствии делали отметки о выбытии элементов такого имущества и о его ветхости³⁸. Подобно приходо-расходным книгам, описи монастырского имущества в синодальный период получили нормативную регламентацию: в 1771 г. Синод указал на обязательность их ведения и разослал формуляр для их составления³⁹.

Внутримонастырской документацией были вкладные книги и книги записи пожертвований. Структура записи: кто, когда, что дал, с какой целью⁴⁰.

³¹ Книга записи прихода и выдачи крестьянам денег, хлеба, потери скота и вещей, 1723 г. // ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 84; Выписка из книг выдачи семенной ссуды крестьянам на весенний посев, 1727 г. // Там же. Д. 125; и др.

³² Книга записи железа, выданного в кузницу, 1736 г. // ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 187; Книга записи выдаваемого в кузницу железа, 1751 г. // Там же. Д. 418; и др.

³³ Приходная книга продовольственных припасов для трапезы на братию, 1866 г. // ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 2759; Приходо-расходная книга продуктов для трапезы братии, 1869 г. // Там же. Д. 2794; и др.

³⁴ Книга записи продажи хлеба и выдачи крестьянам за выполненную работу в монастыре, 1759 г. // ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 618; Книга записи выдачи жалования вольнонаемным служителям при Далматовском монастыре // Там же. Д. 2754; и др.

³⁵ Учет денег за помол зерна на мельнице, 1726 г. // ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 109; Ежемесячные ведомости монастырской мельницы, 1907 г. // Там же. Д. 3048.

³⁶ Расходная книга, выданного в презент, 1752 г. // ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 436; и др.

³⁷ Дело о разных братских доходах, 1824–1826 гг. // ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 1576; Книга братских доходов монастыря, 1888–1891 гг. // Там же. Д. 2911; и др.

³⁸ См., напр.: Передаточная опись новому казначею Лаврентию, 1750 г. // ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 377; Приемная опись казначея Корнилия, 1754 г. // Там же. Д. 492; Опись казенному монастырскому имуществу, 1756 г. // Там же. Д. 536; Опись церковного и монастырского имущества Верхотурского Николаевского монастыря, 1773–1796 гг. // ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 12.

³⁹ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. XIX. № 13621. С. 281; № 13690. С. 359–361.

⁴⁰ См., напр.: Запись вкладов на поминование, 1721–1751 гг. // ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 65; Книга записи вкладов на поминование умерших, 1723–1724 гг. // Там же. Д. 92; Книга записи вкладов на поминование, 1732 г. // Там же. Д. 160; и др.; Вкладные книги Далматовского Успенского монастыря (последняя четверть XVII — начало XVIII в.): сб. док. / сост. И. Л. Манькова. Свердловск, 1992.

Естественно, наиболее обширная документация по имущественным делам существовала в монастырях до штатной реформы 1764 г. Кроме вышеуказанных видов она включала комплексы переписки между настоятелями монастырей и отдаленными поселениями и промыслами, книги учета исполнения повинностей.

При отправке на отдаленные рыбные и хмелевые промыслы в Далматовском монастыре, например, возглавлявший отряд отставной офицер или монах получали от монастыря специальную инструкцию, которая содержала предписания на весь период экспедиции. Длилась такая экспедиция около трех месяцев, и руководитель обязан был регулярно рапортовать в монастырь о ходе дел⁴¹.

До 1764 г. комплекс внутримонастырского делопроизводства включал и доношения о различных нарушениях в монастырских вотчинах, и распоряжения настоятелей по этим инцидентам, отдельно могли фиксировать наложенные настоятелем наказания⁴².

При наличии приписных монастырей, которые обычно все свои нужды решали через обращение к настоятелю основного монастыря, существовали комплексы переписки с ними⁴³.

В периоды длительного пребывания настоятелей за пределами монастырей велась переписка между казначеями или наместниками и настоятелями. Причинами отлучек обычно было совмещение настоятельских обязанностей с должностями в епархиальном правлении или руководство семинариями⁴⁴.

Одним из видов источников, порожденных внутримонастырской богослужебной практикой, были синодики (чаще называемые в то время поминальниками), также фиксируемые в составе фондов монастырей⁴⁵.

⁴¹ Переписка с Исетской канцелярией о хмелевых и рыбных промыслах далматовских крестьян в верховьях Тобола, 1742 г. // ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 248; Список продуктов и прочих припасов, отправленных на хмелевые промыслы, 1777 г. // Там же. Д. 986; и др.

⁴² Происшествия, 1747 г. // ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 331; Происшествия, 1767 г. // Там же. Д. 818; Происшествия, 1735 г. // Там же. Д. 3223; и др.

⁴³ См., напр.: Рапорты в Далматовский Успенский монастырь из Далматовского Введенского монастыря о колоднице Анне Алексеевой, 1752 г. // ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 431; Доношение из Далматовского Введенского монастыря в Далматовский Успенский монастырь о причиняемых дубинщиной убытках, 1764 г. // Там же. Д. 774; и др.

⁴⁴ Переписка игумена Гавриила с братией за 1804 г. // ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 1228; Переписка игумена Гавриила с братией за 1805 г. // Там же. Д. 1238; Переписка игумена Гавриила с казначеем Богомоловым за 1808 г. // Там же. Д. 1272; Рапорты казначея Верхотурского монастыря иеромонаха Иоасафа настоятелю архимандриту Афанасию о приходе, расходе и остатках церковных сумм, ведомости о поведении и работах монастырской братии, выписки из прихода-расходных книг монастыря, 1833 г. // ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 143; и др.

⁴⁵ Годовой поминальник, 1841 г. // ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 2040; Годовое поминание, 1855 г. // Там же. Д. 2454; и др.

При наличии в монастырях чтимых святынь записывались (обычно отдельными от остальной документации томами) свидетельства о совершении исцелений от них⁴⁶.

В синодальный период ряд видов документации, изначально порожденных внутренними потребностями существования монашеской общины, прежде всего обеспечением сохранности материальных средств, считавшихся совместной собственностью локального монашеского социума (приходо-расходные книги, описи монастырского и церковного имущества) был включен в сферу нормативного регулирования императорской властью, Синодом и епархиальными властями.

Еще более значительный комплекс документации был порожден управленческими практиками исполнения предписаний светских и церковных властей.

Наибольший спектр информации по различным сторонам жизни обителей представляли ежегодные отчеты в консисторию, собираемые благочинными монастырей, но они фиксируются в архивах обителей с середины XIX в. Отчеты составлялись по единой форме, включающей сведения о насельниках, состоянии строений, приходах и расходах, крупных пожертвованиях, послушаниях и взаимоотношениях насельников, монастырской благотворительности. К ним прилагались именные и статистические ведомости о монашествующих и послушниках. Поскольку благочинными монастырей были кто-то из настоятелей мужских обителей (их могло быть один-два на епархию), зачастую отчеты ряда из них сохранились в архиве той обители, настоятель которой был благочинным. Отчеты могут составлять как отдельные архивные дела, так и содержаться в массивах исходящей документации⁴⁷.

Отдельными единицами делопроизводственного, а впоследствии и архивного хранения оформлялись те виды документации, которые требовались для решения различных вопросов с внешними для монастыря инстанциями.

Так, самостоятельные единицы хранения представляли собой:

– описи монастырей, составлявшиеся для подготовки и проведения штатных реформ 1762 и 1764 гг., включающие сведения о монастырском и церков-

⁴⁶ Свидетельствования о совершении исцелений по молитвам преподобного Далмата, 1871–1889 гг. // ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 2819; Дело о хранящихся в Верхотурском Николаевском монастыре мощах Верхотурского чудотворца Симеона и описания его жития и чудес, 1825 г. // ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 105; Копии писем частных лиц, свидетельствующих чудесные исцеления с помощью молитв, обращенных к праведному Симеону в ответ на издание Верхотурским монастырем «Подробного сказания о праведном Симеоне», 1857–1865 гг. // Там же. Д. 368; и др.

⁴⁷ Отчет о Пермской Успенской женской общине за 1880 год // ГАПК. Ф. 431. Оп. 1. Д. 15; Переписка по монастырскому благочинию, 1881–1882 гг. // ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 493; Отчет Далматовского Успенского монастыря за 1905 г. // ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 3037; Отчет Каменского Преображенского монастыря за 1919 г. // ГАШ. Ф. 206. Оп. 1. Д. 120; Отчеты Соликамского Троицкого монастыря за 1916 год // Соликамский музей-заповедник. Фонд Соликамского Троицкого монастыря. Оп. 1. Д. 374; и др.

ном имуществе, земельных владениях и монастырских крестьянах, списки монашествующих, монастырских служителей⁴⁸;

– межевые книги на монастырские владения и копии грамот на земельные владения, документацию по межевым спорам⁴⁹;

– комплексы переписки по имущественным тяжбам монастырей с иными инстанциями⁵⁰.

До реформы 1764 г. бытовала управленческая практика отдельного делопроизводственного оформления и хранения документов по каждому виду государственных налогов и сборов: рекрутские сборы, подушные сборы, предоставление подвод и лошадей и т. д.⁵¹

В штатных монастырях после реформы 1764 г. отдельными единицами хранения были приходо-расходные книги штатных сумм⁵².

Поскольку в процессе подготовки и проведения штатной реформы были введены ограничения и запреты на постриг с целью сокращения численности иночества, монастыри обязаны были предоставлять в консистории именные ведомости о монашествующих. Первая ведомость была составлена в 1724 г., с середины 30-х гг. XVIII в. ведомости предоставлялись ежегодно, с 70-х гг. XVIII в. они стали частью ежегодного отчета о монастыре, где помимо именных ведомостей содержались статистические данные о насельниках. Один экземпляр ведомостей должен был оставаться на хранении в монастыре. В управленческой практике монастырей ведомость прошлого года могли использовать как черновик для составления следующей (если изменения в составе насельников были небольшие). Поскольку ведомости обычно составляли достаточно объемный документ, их хранили отдельными томами. Практика ежегодного предоставления именных ведомостей о монашествующих (с конца XVIII в. — и о послушниках) сохранилась и после проведения штатной ре-

⁴⁸ Опись монастырского имущества экономического казначея поручика Выходцева, 1762 г. // ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 681; Приемная инвентарная опись казначея Леонтия от управителя Выходцева, 1762 г. // Там же. Д. 683; и др.

⁴⁹ Межевые документы, 1709–1748 гг. // ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 24; Документы межевого спора с Катайскими крестьянами, 1732 г. // Там же. Д. 154; Книга записи нового межевания земель Далматовского монастыря, 1751 г. // Там же. Д. 422; и др.

⁵⁰ Расследование жалобы на экономического казначея Кушникова, 1780 г. // ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 1020; Дело о жалобе крестьян на потопление луговых мест спрудною водой монастырской мельницы, 1846 г. // Там же. Д. 2176; и др.

⁵¹ Инструкция, распоряжения и переписка по рекрутскому набору, 1724 г. // ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 85; Переписка по рекрутскому набору, 1737 г. // Там же. Д. 194; Учет душ и сбор подушных денег, 1725 г. // Там же. Д. 96; Подушный учет, 1739 г. // Там же. Д. 218; и др.

⁵² Приходо-расходная книга штатной суммы за 1809 г. // ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 1295; Приходо-расходная книга штатной суммы за 1900 г. // Там же. Д. 2997; Приходо-расходная книга для записи сумм, отпущенных Верхотурским уездным казначейством Николаевскому монастырю // ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 22; и др.

формы вплоть до закрытия монастырей после 1917 г., став формой кадрового учета насельников монастырей, близкой по своим функциям формулярным спискам служащих различных гражданских ведомств⁵³.

Отдельными томами хранили следственные дела о настоятелях монастырей, заведенные по жалобам светских или духовных лиц. Проведение следствия поручалось настоятелю какого-либо другого монастыря епархии, его результаты отправлялись в консисторию, поэтому такие дела могут сохраниться в фондах консистории или монастыря, настоятель которого проводил следствие⁵⁴.

Отдельные делопроизводственные тома могли составлять материалы о сыске беглых монахов и послушников, если их не удалось найти силами монастырских служителей. Комплексы этих материалов включали доношения об обнаружении бегства, опросы насельников, которые могли указать детали исчезновения, опись келейного имущества беглого, рапорты о результатах розыска, промемории в светские инстанции регионального уровня и в Синод с описанием обстоятельств и примет беглого насельника⁵⁵.

Поскольку контролю епархиальных архиереев и монастырских благочинных подлежала регулярность посещения монашествующими церковных служб, существовала практика составления книг учета таких посещений⁵⁶. В монастырях Среднего Урала они фиксируются с XIX в.

Основные направления делопроизводственного документирования были общими для всех монастырей синодального периода, практики же группировки управленческой документации могли довольно существенно варьироваться в зависимости от пространственного расположения элементов монастырского хозяйства, самого масштаба монастырской экономики, состава общины, и от личного опыта начальствующих лиц.

Сохранность архивов монастырей синодального периода

Где хранились монастырские архивы, кто за них отвечал? Следует признать, что сведений об этом крайне мало. В описях монастырского имущества не ука-

⁵³ Подробнее о данном виде источников см.: Нечаева М. Ю. Ведомости о монашествующих синодального периода как исторический источник // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. № 4 (24). С. 231–265.

⁵⁴ Дело о злоупотреблениях архимандрита Верхотурского Николаевского монастыря Филарета, 1731 г. // ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 151; Материалы к расследованию о злоупотреблениях архимандрита Сильвестра, 1741 г. // Там же. Д. 234, 276; Дело по доношению Чердынского Богословского монастыря иеродиакона Никанора Парчегова о битии его игуменом Никитой дубиной и о переводе его в Успенский Трифонов или Соликамский монастырь // ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 170; Дело о беспорядках, происходящих в Кыртомском Крестовоздвиженском монастыре и о принятии мер к их устранению // ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 611; и др.

⁵⁵ Дело о розыске бежавших монашествующих и присылке их в духовные правления, 1771 г. // ГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 596.

⁵⁶ Учет посещения церковных служб монашествующими, 1820 г. // ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 1492; и др.

зывались архивные документы и место нахождения архивов и текущего делопроизводства.

В Верхотурском Николаевском монастыре, например, архив и текущая документация сгорели в 1762 г. во время пожара в корпусе деревянной хлебной кельи, оказавшейся весьма многофункциональной: там не только пекли хлеб и хранили документы, но и содержали колодников, один из которых и стал, судя по проведенному расследованию, виновником пожара. Остатки документов (около 100, в основном указы) собрали и подшили в отдельный том⁵⁷.

Этот инцидент показывает, что изданный 27 января 1736 г. сенатский указ о постройке в губерниях, провинциях и «знатных городах» отдельных каменных палат, в которых должны были храниться денежная казна и «старые дела», для монастырей не стал руководством к действию. Указ предназначался губернаторам и воеводам, строительство должно было вестись на суммы, ассигнуемые из Штатс-конторы, а архивы были предназначены для дел государственных учреждений. Монастыри, конечно, напрямую не попадали в сферу действия этого указа, хотя сформулированные в нем требования к строящимся палатам были весьма полезны для сохранности документации: «...сделать по две палаты каменные, от деревянного строения не в близости, с своды и полы каменными и с затворы и двери и решетки железными»⁵⁸.

Делопроизводственные и архивные обязанности не фиксировались как послушания насельников монастырей. Имущественный учет вели казначеи и лица, непосредственно управлявшие различными хозяйственными работами, поэтому можно предполагать, что приходо-расходные книги могли находиться у них. К ведению делопроизводства могли привлекаться не только монашествующие, но и, при недостатке среди таковых грамотных людей, что было характерно для первых десятилетий синодального периода, грамотные монастырские служители.

В Далматовском Успенском монастыре с 1797 по 1804 гг. текущим делопроизводством и архивом занимался подьячий Дмитрий Пономарев, который в 1804 г. передал по описи сохранившиеся с 1659 г. документы священнику Матвею Вахрушеву⁵⁹. О Матвее Вахрушеве сохранились некоторые биографические данные, поскольку он состоял на штатной должности в монастыре. Родом он был из г. Камышлова (год рождения указан в разных источниках 1762 или 1771), обучался в Тобольской семинарии «латинскому диалекту, поэзии, риторике, философии и богословию», имел чеботарные навыки, служил священником в Камышлове, а после овдовения «задолго до 1799 г.» поступил

⁵⁷ Копии императорских указов, присланных из Тобольской Духовной консистории в Верхотурский монастырь для сведения и исполнения, 1718–1762 гг. // ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 1.

⁵⁸ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. IX. № 6875. С. 732–733.

⁵⁹ Передаточная опись указов и дел с 1788 г. по 1797 г., принятая подьячим Пономаревым. 1797 г. // ГАШ. Ф. 224. Л. 1. Д. 1181; Архивная инвентарная опись. 1804 г. // Там же. Д. 3161.

в Абалакский Знаменский монастырь. Из Абалака он был переведен в Тобольский Знаменский монастырь, выполнял в это время должность смотрителя библиотеки Тобольской семинарии, впоследствии переведен был в Межигорский Предтеченский монастырь, а оттуда в 1799 г. по собственному желанию указом Тобольской консистории был переведен в Далматовский монастырь в число братии. В 1811 г. он принял постриг с именем Мелхиседек. Как долго он занимался монастырским делопроизводством и архивом, неизвестно: приняв документы 18 ноября 1804 г., в ведомости 1814 г. он уже указан только как иеромонах на штатном иеромонашеском месте, в 1825 г. — как несущий послушание «священнослужение своей чреды». Позже проследить его судьбу по монастырским документам не удалось. В 1825 г. он характеризовался как человек, который «мало воздержен от питья хмельного, в протчем послушлив». Впрочем, в то время этим пороком страдали почти все насельники монастыря⁶⁰.

В XIX в. некоторые монастыри нанимали на должность письмоводителя преподавателей духовных училищ, если таковые были расположены вблизи или на территории монастыря, или кого-либо из канцелярских служителей. Например, в 1851 г. Далматовский Успенский монастырь решил свою проблему, наняв учителя местного духовного училища Владимирова⁶¹. В Верхотурском Николаевском монастыре в начале XX в. письмоводителем и архивариусом служил Василий Семенович Баранов, имевший и до этого опыт работы писарем в различных учреждениях.

Сохранность архивов церковных учреждений синодального периода, в том числе монастырей, объясняют обычно событиями гражданской войны и антирелигиозной политикой советского периода. Однако более детальный анализ имеющихся фондов и их соотнесение с историей обителей показывают, что картина была более мозаичной, утраты были вызваны как реформированием монастырей, так и уровнем самого архивного дела в стране того времени.

На Среднем Урале к началу синодального периода было 20 православных монастырей и пустыней. В архивах можно найти только 4 фонда, связанных с ними. Когда же и почему были утрачены остальные?

Следует признать, что культурная и историческая ценность архивов монастырей в XVIII в. не была в центре внимания. В них просто оставалось текущее делопроизводство обителей по мере снижения актуальности их делового

⁶⁰ Ведомость о братии Далматовского Успенского монастыря за майскую треть 1805 г. // ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 1241. Л. 7; Ведомость о братии Далматовского Успенского монастыря за первую половину 1806 г. // Там же. Д. 1241. Л. 13; Ведомость о братии Далматовского Успенского монастыря за 30 июля 1814 г. // Там же. Д. 1371. Л. 15 об.; Ведомость о братии Далматовского Успенского монастыря за 1825 г. // Там же. Д. 1378. Л. 42 об. – 43; Учет пьяных монахов, 1812 г. // Там же. Д. 1345.

⁶¹ Назначение учителя Далматовского духовного училища Владимирова на должность письмоводителя монастыря, 1851 г. // ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 2300.

использования. Поэтому архивы могли утрачиваться при кардинальных переменах в истории самих монастырей (их закрытиях, переездах).

Первой крупной реформой, связанной с пространственным перемещением насельников монастырей, было закрытие малобратственных монастырей, объявленное в Прибавлении к Духовному регламенту в мае 1722 г. По замыслу Петра I, остаться должны были только обители с количеством монашествующих более 30 человек, а более мелкие следовало соединить с более крупными или между собой для достижения этой численности. Смысл реформы виделся в повышении экономической доходности монастырских хозяйств, которую предполагалось использовать на дела благотворительности и образования.

Реформа проводилась с 1723 г., в спешке и без должной подготовки, и уже вскоре показала не рост благосостояния монастырей, а наоборот, их убытки. Она была признана неудачной и отменена в 1726–1727 гг. Однако за эти несколько лет множество малобратственных монастырей покинули свои прежние места. Никаких предписаний о порядке распоряжения их архивами не было, и на новое местожительство братия забирала, вероятно, лишь то, что считала актуальным в этой ситуации. Сохранность же архивов по возвращении на прежние места могла оказаться очень разной.

На Среднем Урале в число малобратственных попадало 13 из 20 монастырей. В 1727–1728 гг. большинство из них вернулись в свои прежние места, но 2 пустыни на р. Сылве, находившиеся в вотчинах Соликамского Вознесенского и Пыскорского Преображенского монастырей, как отдельные автономные единицы восстановлены не были. Вероятно, тогда же и архивы этих пустыней либо остались в забвении, либо были перевезены в головные монастыри и разделили впоследствии их судьбу.

Ряд монастырей в регионе прекратили свое существование по причине постепенного сокращения числа насельников, вызванного введением запретов на постриг в 1723 г., лишавших их возможности пополнения. Последствия этих запретов особо остро ощущали монастыри малобратственные. Так, еще до секуляризации 1764 г. прекратили существование Кунгурский и Пыскорский женские монастыри и Плесинская мужская пустынь. Женские монастыри своих вотчин не имели, поэтому даже хозяйственные документы из их архивов никого не интересовали, а собственность Плесинской пустыни была передана Пыскорскому мужскому монастырю, видимо, вместе с хозяйственной документацией, сочтенной актуальной. Фонды всех этих исчезнувших до 1764 г. обителей не сохранились.

К кардинальным утратам архивных материалов монастырей привела штатная реформа 1764 г. Из 15 монастырей, остававшихся на Среднем Урале к тому времени, к штатным было отнесено только 4 мужских: Далматовский Успенский, Верхотурский Николаевский, Пыскорский Преображенский, Невьянский Богоявленский.

Два из них (Далматовский Успенский и Верхотурский Николаевский), не менявшие своей дислокации, стали фондообразователями самых крупных сохранившихся в регионе архивных фондов. Архив Далматовского монастыря, датируемый 1659–1920 гг., насчитывает 3 246 ед. хр. и хранится в ГАШ (ф. 224). Архив Верхотурского Николаевского монастыря, датируемый 1718–1924 гг., насчитывает 769 ед. хр. и хранится в ГАСО (ф. 603). Поскольку настоятели этих монастырей чаще всего назначались благочинными монастырей сначала Пермской, а с 1885 г. Екатеринбургской епархии, в их фондах хранятся и отчеты других обителей региона. В ГАШ большая часть таких документов монастырского благочиния сконцентрирована в отдельном фонде (ф. 206, 1860–1919 гг., 130 ед. хр.)

Архив Пыскорского Преображенского монастыря, богатейшего и одного из старейших в регионе, стал жертвой его переездов. Имеющийся в настоящее время в ГАПК фонд из 39 дел (ф. 193) — лишь небольшая выборка дел, относящихся ко времени переезда монастыря из Соликамска в Пермь в 1781–1794 гг. и времени его существования в Перми до момента преобразования в Пермский архиерейский дом в 1800 г. В составе фонда сохранились и единичные документы хозяйственного характера, относящиеся к более раннему периоду, сочтенные монахами актуальными при переезде в Пермь. Вполне вероятно, что и до переезда в Пермь архив Пыскорского монастыря подвергся частичным изъятиям в связи с переездом монастыря сначала на Лысьву в 1756 г., а потом в Соликамск в 1775 г.

Причиной утраты архива Невьянского Богоявленского монастыря, также оставленного в числе штатных по реформе 1764 г., стал перевод насельников в с. Абалак в 1783 г., вызванный обветшанием монастырских строений на прежнем месте. Вероятно, братия увезла часть документации, сочтенной актуальной, остальное же осталось в прежних монастырских строениях, переданных ближайшей приходской общине (храм) и Коллегии экономии. В фонде Абалакского Знаменского монастыря, ныне находящегося в Государственном архиве г. Тобольска (ф. И-134), не сохранилось документов, связанных с Невьянским монастырем.

11 монастырей в регионе были закрыты в разное время в ходе реализации штатной реформы 1764 г. Шесть упраздненных монастырей прекратили свое существование в 1764–1766 гг.: Чердынский Успенский, Соликамский Преображенский монастыри, Чусовская Успенская Богородицкая, Шерьинская Одигитриевская Богородицкая, Оханская, Тохтаревская (Кунгурская) Богородицкая пустыни. Их церковное имущество было передано ближайшим приходским церквям, а остальное — в ведение Коллегии экономии, которой активно распродалось. Архивы частью имущества не считались, и их судьба никак не оговаривалась в документах о проведении реформы. При передаче церковного имущества приходам составлялись его описи, при передаче земельных владений, построек на территории монастырей и принадлежавших прежде монастырям крестьян в ведение Коллегии экономии тоже составлялись описи этого имущества.

В 1769 г. Коллегия экономии представила на рассмотрение Сената вопрос об увеличении штата архивистов, поскольку и до проведения реформы 1764 г. в архиве коллегии хранилось столько дел, что один архивист не справлялся, после же реформы «совсем другое оказалось, во-первых, крепостей великое множество прислано, а потом и еще досылают, из некоторых же по открытии дел, требуются другие ж и по требованиям и поныне не дослали; о чем о всем не только попечение в разборе и в хранении их иметь должно, но и стараться о доставлении всех оных без недостатку; собрание ж таковых крепостей тем паче к сведению той Коллегии нужно, дабы узнать о всех принадлежащих к вотчинам, вверенным ей в управление, земляных дачах, и сообразя количество оных с написанным в тех селениях числом мужеска полу душ, к хозяйственному о сем распоряжению сделать надлежащие выписки; равным образом и по делам прежних лет о происходивших у властей духовных с посторонними владельцы землях и о крестьянах спорах должно выправиться, а для сего и все те прежде бывшие дела, кои ныне остаются в Архивах духовных, между которыми уповательно есть интересные, собрать в Коллежской Архив, и как оный должно приводить в порядок немалым попечением, то и за необходимое почитает иметь при том Архиве, кроме положенного по штату Архивариуса, еще особого Члена»⁶². Как видим, Коллегия экономии, кроме крепостей на крестьян и документов, подтверждающих прежние земельные владения монастырей, отбирала в архив документацию, связанную с незавершенными тяжбами монастырей о землях и крестьянах и «интересные» дела.

Еще пять монастырей Среднего Урала по реформе 1764 г. были определены как заштатные: Чердынский Иоанно-Богословский, Соликамский Вознесенский, Верхотурский Покровский, Далматовский Введенский и Верх-Язвинская Успенская пустынь. Их содержание согласились взять на себя местные сообщества, но достаточно скоро выяснилось, что обеспечить должные средства они не могут. Монастыри закрылись в разные годы (до 1790 г.) Отдельные монашеские общины продолжали жить при них и позже, но были официально причислены к другим монастырям⁶³.

По мере закрытия монастырей их насельники определялись в другие монастыри. На переезд выделялись прогонные деньги архимандритам на 3, игуменам и игумениям на 2, а остальным монашествующим на 1 подвод. О перевозке архивов ничего не говорилось⁶⁴.

Детали отношения к документам при переездах на новое место раскрывает архив Соликамского Троицкого монастыря. Фонды с наименованием этой

⁶² ПСЗ-1. Т. XVIII. № 13261. С. 847–849.

⁶³ Подробнее о закрытии монастырей в регионе в XVIII в. см.: *Нечаева М. Ю.* Монашество Среднего Урала синодального периода: принципы формирования и социальный состав. 2-е изд. Екатеринбург, 2019. С. 52–139.

⁶⁴ ПСПиР. Царствование Государыни Императрицы Екатерины Второй. Т. I. № 440.

обители сохранились в двух местах — в ГАПК и в Соликамском музее-заповеднике. Фонд в ГАПК (ф. 433, 1749–1914 гг., 8 ед. хр.) не является частью архива этой обители, — это подборка документов из фонда Пермской консистории, сделанная работниками архива. Музейный фонд, датируемый 1766–1918 гг., насчитывает 379 ед. хр. и содержит делопроизводство Истобенского Троицкого монастыря со времени его переезда в Соликамск в 1795 г., документацию о братии, полученном штатном содержании за несколько лет до переезда, о владениях монастыря и документы незавершенной тяжбы настоятеля монастыря с одним из жителей Вятской губернии.

По всей вероятности, в Соликамском монастыре были оставлены и архивы прежде существовавшего, но закрытого Соликамского Вознесенского мужского монастыря и часть архива Пыскорского Преображенского монастыря, которую братия привезла из Лысьвы и не взяла с собой при переезде в Пермь. По крайней мере во второй половине 60-х гг. — начале 70-х гг. XIX в. соликамский священник Ипполит Словцов писал свои обширные статьи в «Пермских епархиальных ведомостях» об этих монастырях с опорой на документы, ныне отсутствующие в архивных фондах⁶⁵. Но никаких конкретных фактов о судьбе этих архивов нет.

Стоит обратить внимание на разницу подходов императорской власти к сохранению архивов церковных и светских государственных учреждений. Если при проведении всех реформ монастырей в XVIII в. вопрос о сохранении архивов закрываемых монастырей не ставился, то при проведении губернской реформы в 1780–1782 гг. было создано два архива старых дел — Петербургский и Московский, куда должны были передаваться дела закрываемых по губернской реформе центральных присутственных мест, а губернаторам в регионах было предписано передавать дела упраздненных присутственных мест в местные архивы⁶⁶.

В 1781–1782 гг. сенатскими указами закреплялись и основные правила передачи и хранения дел в государственных архивах. Так, документы из уничтоженных присутственных мест, «следуемые к отдаче в Архив были бы вносимы за надлежащими скрепами, перенумерованы по листам с обстоятельными реэстрами и с показанием годов, месяцев и чисел, также на коликих листах писаны, на всех переплетных книгах были бы на корнях надписи с назначением года и номера; при посылаемых же сообщениях приложены б были генеральные делам реэстры, с показанием сколько числом Сенатских указов, журналов, протоколов, приход-

⁶⁵ Словцов И. Соликамско-Истобенский, Свято-Троицкий, третье-классный мужеский монастырь // Пермские епархиальные ведомости. 1869. № 51. Отд. неоф. С. 585–593; № 52. С. 511–523; 1870. № 2. Отд. неоф. С. 7–19; № 3. С. 21–33; *Его же*. Пыскорский Преображенский ставропигиальный 2-го класса монастырь // Там же. 1867. № 12. Отд. неоф. С. 203–207; № 13. Отд. неоф. С. 209–216; № 14. Отд. неоф. С. 217–224; № 15. Отд. неоф. С. 233–237; № 21. Отд. неоф. С. 343–348; № 24. Отд. неоф. С. 389–393; № 25. Отд. неоф. С. 408–414; № 27. Отд. неоф. С. 425–430; № 28. Отд. неоф. С. 439–443.

⁶⁶ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. XX. № 15074, п. 14. С. 994–997; Т. XXI. № 15133. С. 74; № 15150. С. 110–111; № 15530, п. 18. С. 690–693; Т. XXXVIII. № 29382. С. 865.

ных и расходных книг с их документами и всему тому, что в отдачу следует»⁶⁷. Еще раз подтверждалось, что подлинные дела из архива (указ относился к Санкт-Петербургскому архиву старых дел) не должны выноситься, и определялся порядок составления копий документов из архива по обращениям просителей⁶⁸.

В 1831 г. именным указом гражданским губернаторам вменялось в обязанность проверять, как хранятся дела в архивах, и писать об этом в годовых отчетах по обозрению губернии⁶⁹.

Однако культура архивного дела даже в центральных архивах оставляла желать много лучшего. Например, при освидетельствовании архива Синода в 1829 г. было выявлено отсутствие общих реестров архивных дел с 1797 г., составленные до 1807 г. предметные описи существовали в черновом неполном варианте, а за последующий период отсутствовали вообще, некоторые дела были разбиты и хранились в связках⁷⁰. При более детальном освидетельствовании архива к 1832 г. были выявлены значительные утраты дел: «...не оказалось вообще: дел с 1707 по 1825 год — 2 095; книг с 1721 по 1827 год — 198; ведомостей, рапортов и послужных списков — 14,941 и 111 связок, в том числе: 1) Именных Высочайших Указов за 1799 и 1800 годы 2 книги, с сих Указов есть в Архиве копии: 2) протоколов Святейшего Синода 1728 г. за Январь, 1741 с 1 по 20 Ноября, 1801 с Января по Ноябрь; 3) журналов Святейшего Синода 17 книг; 4) Сенатских ведений за 15 месяцев в разных годах и 5) приходо-расходных книг о денежных суммах, поступивших в Святейший Синод, 135 книг». Проверяющие лица отметили и целый спектр обнаруженных небрежений в хранении и оформлении дел: «...дела по 1807 г. размещены были по отделениям не все правильно, а после по случаю перестроек в Архиве, быв свалены в кучу в беспорядке, не приведены в прежнее положение; весьма многие, особенно имеющие надписи неверные, положены в отделения, несообразные с их содержанием. Дела же, поступившая с 1807 по 1825 год, и вовсе не разобраны; дела, братия для справок, обратно положены не в свои места; самые связки во время приискания дел разбитые оставались в таком виде... В самых делах замечены опущения: 1) к некоторым делам подшиты дела другого содержания и времени, некоторые состоят из одной копии с определения или журнала, находящегося в особом полном деле о том же предмете: 2) некоторые сданы в Архив без окончательных бумаг, а весьма многие без описи бумагам в деле, без скрепы дел, без нумерации, сшитые без порядка по времени вступления бумаг и с непод-

⁶⁷ ПСЗ-1. Т. XXI. № 15150. С. 110–111.

⁶⁸ Там же. № 15431. С. 581.

⁶⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (далее — ПСЗ-2). СПб., 1832. Т. VI. Отд. 1. № 4689, п. 9. С. 669.

⁷⁰ ПСПиР. Царствование Государя Императора Николая I. 1825 (Декабря 12) — 1835 гг. Петроград, 1915. № 258. С. 372–373.

шитыми бумагами, во многих делах нет начала или конца или и того и другого, или в середине дел недостает многих листов; во многих делах края листов истлели, на многих обертки изорваны, многие расшились, от чего и листы в них разодрались»⁷¹. Ряд неисправностей в государственных региональных архивах был выявлен и при ревизии сенаторами Западной Сибири в 1828 г.⁷²

Вероятно, и в монастырях подобных ситуаций небрежного отношения к переданным в архив документам было достаточно. Отчасти это происходило от сугубо утилитарного отношения к архивным документам, присущего тому времени: в них видели только источник информации, который в большей или меньшей степени может быть полезен при решении актуальных дел в присутственных местах.

С середины XIX в. государственные архивы, как центральные, так и региональные, стали испытывать недостаток пространства для хранения накапливающихся документов. С высочайшего утверждения создавались временные комиссии для разбора дел различных архивов с регламентированным порядком уничтожения дел, сочтенных этими комиссиями ненужными⁷³.

При рассмотрении вопроса об уничтожении дел предписывалось учитывать и их историческую ценность; для этой цели в состав временных комиссий в губерниях должны были включаться директора гимназий или смотрители училищ⁷⁴, хотя «в незначительных городах», по усмотрению губернаторов, комиссия могла состоять даже из двух человек — прокурора и губернского или уездного стряпчего⁷⁵. В положении Сибирского комитета, высочайше утвержденном от 3 октября 1860 г., сибирским генерал-губернаторам указывалось, что «Комитет, обратив внимание на то, что в Сибирских архивах, по всей вероятности, имеется много исторических материалов, которые, заключая в себе интерес для науки, должны быть сохранены в целости, положил: предоставить Сибирским Генерал-Губернаторам принять надлежащие, по их усмотрению, меры, чтобы при разборе старых архивных дел во всех вообще подведомственных им управлениях, было обращено особенное внимание на эти дела и чтобы те из них, которые могут представлять интерес в историческом отношении, не только не были подвергаемы уничтожению, но сохранялись бы в целости, чтобы всем подобного рода делам были составляемы особые описи и чтобы описи сии публиковались в губернских ведомостях для общего сведения всех лиц, занимающихся разработкою исторических материалов»⁷⁶.

⁷¹ ПСПиР. Царствование Государя Императора Николая I. № 435. С. 615–620.

⁷² ПСЗ-2. СПб., 1833. Т. VII. № 5851. С. 920.

⁷³ ПСЗ-2. СПб., 1831. Т. V. Отд. 1. № 3550. С. 231; СПб., 1849. Т. XXIII. Отд. 1. № 21865. С. 14; СПб., 1871. Т. XLII. Отд. 1. № 44685. С. 885–887.

⁷⁴ ПСЗ-2. СПб., 1861. Т. XXXIV. Отд. 3. Дополнения к XXXIII-му тому Втор. Собр. Зак. № 33967 а. С. 5–7.

⁷⁵ ПСЗ-2. Т. XXXIV. Отд. 2. № 34993. С. 162–163.

⁷⁶ ПСЗ-2. СПб., 1862. Т. XXXV. Отд. 2. № 36194. С. 153–154.

Развитию интереса к историческому прошлому монастырей и имеющимся в их архивах документам способствовало и учреждение с 1884 г. в регионах губернских исторических архивов и ученых архивных комиссий⁷⁷. С 1896 г., согласно высочайше утвержденному мнению Государственного Совета, в состав комиссий по разбору и уничтожению старых дел архивов губернских правлений должны были включаться не только чиновники Губернского правления, но и два представителя от ведомств судебного и народного просвещения и член местного ученого учреждения по археографии или археологии, если такой был⁷⁸. В высочайше утвержденном 31 июля 1897 г. «Положении об Архиве и Библиотеке Святейшего Синода» также указывалось, что архив должен использоваться не только для получения справок различными учреждениями, но и «с научными целями»⁷⁹. В 1912 г. в составе Императорского Русского исторического общества учреждалась особая комиссия «для обсуждения мер, касающихся порядка сохранения местных архивных материалов». В высочайше утвержденном положении Совета министров от 19 февраля 1912 г. указывалось, что «к обязанностям комиссии относятся: а) приведение в ясность положения местных правительственных архивов и находящихся в них исторических материалов и б) разработка мер к сохранению тех исторических документов, которые нуждаются в охране»⁸⁰.

Способствовали повышению интереса к церковным, в частности и к монастырским, архивам и церковно-археологические общества, которые стали появляться в регионах с 1873 г.⁸¹

Однако следует отметить, что научный интерес вызывали не все документы церковных, в частности монастырских, архивов, а те, которые были связаны с более древними страницами их истории, — обычно не позднее конца XVIII в.

Эти новые веяния XIX в., связанные с организацией архивного дела в России, отчасти затронули и архивы монастырей. Задача разбора архивов с целью освобождения пространства, по-видимому, для монастырей не имела актуальности. К систематизации документов обители приступили в разное время и подходили к ней тоже не одинаково, поскольку никаких общих предписаний на этот счет не получали.

Из монастырей Среднего Урала, судя по сохранившимся архивам, к описанию документов первым приступил Далматовский Успенский монастырь.

⁷⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (далее — ПСЗ-3). СПб., 1887. Т. IV. № 2149. С. 226.

⁷⁸ ПСЗ-3. СПб., 1899. Т. XVI. Отд. I. № 13448. С. 730–731.

⁷⁹ ПСЗ-3. СПб., 1900. Т. XVII. № 14474. С. 542–544.

⁸⁰ ПСЗ-3. СПб., 1915. Т. XXXII. Отд. I. № 36607. С. 160–161.

⁸¹ Косых В. И. Церковно-археологические общества Русской Православной церкви (конец XIX — начало XX вв.) // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер.: Филология, история, востоковедение. 2009. С. 121–126.

В 1804 г. в нем уже имелась опись архива с 1659 г. на 242 листах⁸². К 1850 г. была составлена рукопись из архивных актов монастыря с 1651 по 1700 гг. на 365 листах⁸³. Вероятно, в процессе описания архива Далматовского монастыря в разные годы участвовали авторы первых исторических описаний обители. В 1830 г. было издано в Москве «Историческое описание Далматовского Успенского мужеского монастыря, состоящего в Пермской губернии», составленное соревнователем Общества истории и древностей российских Н. Самойловым. Позднее, в 60-е гг. XIX в. протоиерей далматовской Николаевской церкви Григорий Стефанович Плотников опубликовал в «Пермских епархиальных ведомостях» ряд статей, посвященных истории этого монастыря, впоследствии объединенных в книгу «Описание мужского Далматовского Успенского монастыря и бывшего приписным к нему женского Введенского монастыря (в Екатеринбургской епархии Пермской губернии)», изданную в Екатеринбурге в 1891 и 1906 гг.

Архив Далматовского монастыря явно был частично переструктурирован в процессе создания описей. За период с 1821 по 1861 гг. в нем фиксируется значительно большее число дел, сформированных по тематическому принципу, чем за другие периоды. За некоторые годы раздробление документации особенно заметно: 1855 г. — 71 дело; 1858 — 64; 1857 — 63; 1854 — 62; 1823 — 55; 1763 — 53; 1859 — 53; 1834 — 52; 1836 — 50.

Практически нетронутым остается архив Соликамского Троицкого монастыря. В нем прослеживается характерная для синодального периода организация делопроизводства и формирования архивных дел. У работников музея пока не было времени даже перепроверить полностью его опись, составленную еще во время существования монастыря.

Исторически сложившиеся архивы монастырей в годы советской власти, уже находясь на государственном хранении, тоже могли подвергаться как изъятиям документов (которые в полной мере прослеживаются не всегда, поскольку исторические справки к фондам недостаточно информативны), так и дополнениям их документами, не имевшими отношения к архивам монастырей.

Архивный фонд Верхотурского Николаевского монастыря кроме собственно монастырской документации содержит документы приходских церквей и ревизские сказки Верхотурского уезда, включенные в него уже в период хранения в государственных архивах (вероятно, еще в Нижнем Тагиле, где фонд находился до 1972 г.).

По сохранившимся описям фондов монастырей Среднего Урала не прослеживается изъятие документов по каким-либо идеологическим причинам; выбытие отдельных документов было обусловлено, видимо, процессами их обветшания или утраты.

⁸² Архивная инвентарная опись. 1659–1804 гг. // ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 3161.

⁸³ Древняя рукопись из архивных актов Далматовского Успенского монастыря с 1651 по 1700 гг. [1850 г.] // ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 3243.

Хронологическая сохранность имеющихся архивов монастырей неравномерна. Так, в фонде Верхотурского монастыря сохранилось делопроизводство с 1763 г., а более ранние документы (2 дела) — это россыпь бумаг, которая уцелела во время пожара в монастыре 1762 г., уничтожившего весь архив предыдущего периода.

В фонде Далматовского монастыря делопроизводство до начала 20-х гг. XVIII в. представлено только отдельными документами и делами.

Документация в архивных фондах монастырей за конец синодального периода имеет явные лакуны. Так, в фонде Верхотурского монастыря отсутствует документация за 1915–1917 гг. В фонде Далматовского монастыря недостаток документации очевиден с 1895 г., за 1908 и 1919 гг. ее вообще нет, за 1903, 1912–1913, 1915–1916, 1918, 1920 гг. — по 1–3 делам. В фонде Соликамского монастыря отсутствует документация за 1914–1916 гг.

Вероятно, лакуны в документации конца синодального периода связаны с размещением на территории обителей в первые годы советской власти различных воинских, исправительных и других советских учреждений, использовавших документацию из монастырских архивов последних лет на свои бытовые нужды. Более древние документы, видимо, менее пострадали в силу качества бумаги (более жесткая), многие дела были подшиты в твердые переплеты, да и древность документов какое-то уважение внушала.

Что касается архивов монастырей, появившихся в конце XVIII — начале XX вв., то на Среднем Урале их судьба сложилась значительно печальней. Первые годы или десятилетия они не имели формального статуса общины или монастыря, не подлежали регулярному контролю со стороны церковных властей и могли не вести регулярного делопроизводства. Официальный статус большинство из них получило уже во второй половине XIX — начале XX вв.

Из 27 появившихся в регионе в этот период новых монастырей только по 7 женским есть отдельные архивные фонды с минимальным количеством дел (от 2 до 18), все — искусственно созданные из документов фонда Пермской консистории работниками ГАПК (см.: Табл. 1).

Таблица 1

**Архивные фонды официально учрежденных в XIX — начале XX в.
монастырей и общин Среднего Урала**

Название монастыря	Фактическое основание	Учреждение общиной	Учреждение монастырем	Наличие архивных фондов, ГАПК
Кунгурский Иоанно-Предтеченский	1822 г.	1851 г.	1868 г.	Ф. 435, 1826–1914 гг., 17 ед. хр.

Бахаревский Богородице-Казанский	1863 г.	—	1908 г.	Ф. 481, 1876– 1920 гг., 18 ед. хр.
Пермский Успенский	1873 г.	1875 г.	1882 г.	Ф. 431, 1876– 1920 гг., 18 ед. хр.
Красносельский Иоанно-Предтеченский	1891 г.	1891 г.	1894 г.	Ф. 437, 1908– 1913 гг., 4 ед. хр.
Обвинский Верх- Язвинский Успенский	1894 г.	—	1905 г.	Ф. 439, 1908– 1909 гг., 3 ед. хр.
Сарсинский Боголюбский	1896 г.	—	1902 г.	Ф. 436, 1912– 1913 гг., 3 ед. хр.
Стефановский Пешнигортский	1903 г.	1903 г.	1905 г.	Ф. 482, 1908– 1909 гг., 2 ед. хр.

Вероятно, вся документация этих монастырей, включая архивную, была утрачена после закрытия монастырей и передачи их построек различным советским учреждениям в период гражданской войны и в последующие годы (некоторые монашеские общины под видом трудовых артелей и приходских общин смогли просуществовать в ограниченном составе до начала 1930-х гг.). Отсутствие в их архивах «старых» документов, вероятно, сводило к нулю их историческую ценность в глазах советских чиновников.

В итоге из 47 монастырей, существовавших на Среднем Урале в синодальный период, сохранились архивы лишь 4 из них, все эти обители — мужские, оставленные в числе штатных по реформе 1764 г., причем архив Пыскорского монастыря охватывает лишь последний этап его существования, а Соликамского Троицкого — время его нахождения в Соликамске с конца XVIII в.

Подводя итоги, следует отметить, что нормативные положения, разработанные в синодальный период относительно порядка делопроизводства и хранения дел в архивах для государственных присутственных мест, не доводились до монастырей в качестве прямых указаний, православные обители воспринимали их в силу контактов с другими органами церковного и светского управления, адаптируя эти предписания под особенности своих управленческих практик. Адаптация шла в направлении упрощения и отказа от неактуальных форм регистрации делопроизводства. Так, например, введенная для государственных учреждений в 1811 г. система регистрации делопроизводства оказалась абсолютно неактуальна для монастырей и никак не повлияла на комплекс их делопроизводства.

Передача документации из монастырской канцелярии в архив также могла происходить с отступлениями от существующих правил по срокам, поскольку в обителях, располагающих помещениями различной площади, менее остро стоял вопрос о загруженности пространства канцелярии делами прошлых лет, да и само количество документации было значительно меньше, чем в государственных присутственных местах и канцеляриях Синода и архиерейских домов.

Описания архивов монастыри проводили по мере осознания делопроизводственной необходимости в систематизации документов, намерения опубликовать ставшие популярными в XIX в. «исторические описания» обитателей и кадровой обеспеченности архивной работы. Из монастырей Среднего Урала только Далматовский Успенский монастырь с начала XIX в. имел описи архивных материалов и структурировал дела по тематическому принципу. Архив Верхотурского Николаевского монастыря в синодальный период не подвергся систематизации даже в связи с подготовкой различных публикаций по его истории в XIX — начале XX в. Не усматриваются и какие-либо попытки систематизации архивных материалов в Соликамском Троицком монастыре.

Утраты архивов многих монастырей синодального периода были обусловлены проведением ряда реформ в XVIII в. (закрытие малобратственных монастырей, сокращение численности монашествующих по причине ограничений и запретов на постриг, штатная реформа 1764 г.). Они разделили судьбу массово закрывавшихся монастырей. Со стороны светской и церковной власти не было предпринято попыток сохранения этих архивов, поскольку господствовало сугубо утилитарное отношение к архивным документам как к справочному компоненту текущих управленческих практик. При закрытии монастырей оставлялись лишь те документы, которые считали полезными при распоряжении в дальнейшем монастырскими владениями (описи церковного и монастырского имущества, актовый материал на земельные владения и монастырских крестьян).

Постепенно распространявшееся в XIX — начале XX вв. осознание исторической ценности архивов различных учреждений, сопровождавшееся созданием ученых комиссий, церковно-археологических обществ, Исторического общества, поддержанных светской и церковной властью, было ориентировано на «древность» документов, поэтому архивные материалы XIX — начала XX вв. оставались неоцененными с точки зрения исторической значимости.

Это обстоятельство, равно как и длительность неформального существования вновь возникавших монастырей до их официального учреждения привели к тому, что ценность архивов новых монастырей не привлекала внимания общественных организаций, ориентированных на исторические изыскания.

Изменившийся в 1917 г. политический строй, отличавшийся в идеологическом плане активной антирелигиозной позицией, привел к закрытию всех монастырей на Среднем Урале, как и в подавляющем большинстве других регионов. Архивы закрытых монастырей, особенно существующих относительно недавно, не были сочтены исторической ценностью и подверглись уничтожению. Архивы монастырей, имеющих более древнюю историю, имели некоторые шансы на сохранение, хотя очень значимым оказывался фактор субъективный — кто из советских чиновников решал судьбу того или иного монастырского архива, были ли на местах энтузиасты, предпринявшие усилия

по спасению архивных материалов. На Среднем Урале наиболее сохранившимся в этих условиях оказался спасенный краеведом и историком Владимиром Павловичем Бирюковым фонд Далматовского Успенского монастыря.

Сокращения

ГАШ — Государственный архив г. Шадринска.

ГАКО — Государственный архив Кировской области (г. Киров).

ГАПК — Государственный архив Пермского края (г. Пермь).

ГАСО — Государственный архив Свердловской области (г. Екатеринбург).

Источники

Вкладные книги Далматовского Успенского монастыря (последняя четверть XVII — начало XVIII в.): сборник документов / *сост. И. Л. Манькова*. Свердловск, 1992.

Генеральный регламент // Законодательство Петра I. М., 1997. С. 99–124.

Государственный архив города Шадринска (ГАШ). Ф. 206. Оп. 1. Д. 120; Ф. 224. Оп. 1. Д. 24, 65, 84, 85, 92, 94, 96, 103, 109, 125, 151, 154, 158, 160, 169, 187, 191, 194, 218, 234, 248, 276, 306, 331, 352, 377, 393, 418, 422, 427, 431, 436, 492, 536, 618, 654, 681, 683, 774, 818, 986, 1020, 1181, 1228, 1238, 1241, 1272, 1295, 1345, 1371, 1378, 1492, 2040, 2176, 2300, 2454, 2754, 2759, 2794, 2819, 2911, 2997, 3037, 3048, 3161, 3191, 3223, 3243.

Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 237. Оп. 74. Д. 596; Оп. 81. Д. 170, 185.

Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 431. Оп. 1. Д. 15.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 603. Оп. 1. Д. 1, 4, 12, 22, 105, 143, 368, 493, 611.

Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. III. № 1527, 1540, 1542, 1547, 1579, 1585, № 1594, 1650, 1792; Т. IV. № 1822, 1835, 1836; Т. V. № 3534; Т. VI. № 3498, 3937; Т. VII. № 4165; Т. VIII. № 5333; Т. IX. № 6875; Т. XVIII. № 13127, 13261; Т. XIX. № 13621, 13690; Т. XX. № 15074; Т. XXI. № 15133, 15150, 15431, 15530; Т. XXVI. № 19456; Т. XXXVIII. № 29382; Т. XL. № 30316.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1831. Т. V. № 3550; СПб., 1832. Т. VI. № 4689; СПб., 1833. Т. VII. № 5851; СПб., 1849. Т. XXIII. № 21865; СПб., 1861. Т. XXXIV. № 33967 а, 34993; СПб., 1862. Т. XXXV. № 36194; СПб., 1871. Т. XLII. № 44685.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб., 1887. Т. IV. № 2149; СПб., 1899. Т. XVI. № 13448; СПб., 1900. Т. XVII. № 14474; СПб., 1915. Т. XXXII. № 36607.

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания. Царствование Государыни Императрицы Екатерины Второй. СПб., 1910. Т. I: 1762–1772 гг. № 440, 447.

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания. Изд. 1. СПб., 1889. Т. VI: С 8 мая 1727 по 16 января 1730. № 2049; СПб., 1911. Т. X: 1738 — 24 ноября 1741 гг. № 3528.

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания. Царствование Государя Императора Павла Первого. 6 ноября 1796 г. — 11 марта 1801 г. Петроград, 1915. № 481.

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания. Царствование Государя Императора Николая I. 1825 (Декабря 12) — 1835 гг. Петроград, 1915. № 258, 435.

Соликамский музей-заповедник. Фонд Соликамского Троицкого монастыря. Оп. 1. Д. 52, 374.

Литература

Бабич М. В. Государственные учреждения России XVIII в.: справочное пособие. Вып. 1. М., 1999.

Горькавая Г. П. Монастырские архивы г. Москвы: история формирования, состав фондов и проблемы описания, XIII–XX вв.: дисс. ... к. и. н. М., 2000.

Здравомыслов К. Я. Архив и библиотека Святейшего Синода и консисторские архивы. СПб., 1906.

Илюшенко М. П. История делопроизводства в дореволюционной России: учебное пособие. М., 1993.

Косых В. И. Церковно-археологические общества Русской Православной церкви (конец XIX — начало XX вв.) // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер.: Филология, история, востоковедение. 2009. С. 121–126.

Крылов Н. С. Из истории Синодального архива в XVIII в. // Отечественные архивы. 2014. № 4. С. 3–11.

Нечаева М. Ю. Ведомости о монашествующих синодального периода как исторический источник // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. № 4 (24). С. 231–265.

Нечаева М. Ю. Монашество Среднего Урала синодального периода: принципы формирования и социальный состав. 2-е изд. Екатеринбург, 2019.

Плотников Г. С. Описание мужского Далматовского Успенского монастыря и бывшего приписным к нему женского Введенского монастыря (в Екатеринбургской епархии Пермской губернии). Екатеринбург, 1891.

Русакова С. В. Эволюция системы документирования деятельности губернских учреждений XVIII — начала XIX вв.: по документам Государственного архива Тверской области: дисс. ... к. и. н. М., 2006.

Словцов И. Пыскорский Преображенский ставропигиальный 2-го класса монастырь // Пермские епархиальные ведомости. 1867. № 12. Отд. неоф. С. 203–207; № 13. Отд. неоф. С. 209–216; № 14. Отд. неоф. С. 217–224; № 15. Отд. неоф. С. 233–237; № 21. Отд. неоф. С. 343–348; № 24. Отд. неоф. С. 389–393; № 25. Отд. неоф. С. 408–414; № 27. Отд. неоф. С. 425–430; № 28. Отд. неоф. С. 439–443.

Словцов И. Соликамско-Истобенский, Свято-Троицкий, третье-классный мужеский монастырь // Пермские епархиальные ведомости. 1869. Отд. неоф. № 51. С. 585–593; № 52. С. 511–523; 1870. Отд. неоф. № 2. С. 7–19; № 3. С. 21–33.

Снытко О. В. Архив Новгородской духовной консистории: история, проблемы создания научно-справочного аппарата // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2005. Вып. 18. С. 171–194.

Спичак А. В. Документы приходских церквей Тобольской епархии XVIII — начала XX вв.: основные разновидности и эволюция форм: монография. Нижневартовск, 2017.

Спичак А. В. Кадровое делопроизводство в Тобольской епархии в XVIII — начале XX вв.: монография. Нижневартовск, 2018.

Старостин Е. В. Архивы Русской Православной Церкви (X–XX вв.): учебное пособие. М., 2011.

Цемленкова С. И. История архивов России с древнейших времен до начала XX века: [учебное пособие]. Екатеринбург, 2015.

References

Babich M. V. *State Institutions of Russia of the 18th Century. Reference manual*. Issue 1. Moscow, 1999. (In Russ.)

Gorkavaya G. P. *Monastic Archives of Moscow: History of formation, composition of funds and problems of description, 13th–20th centuries*. Cand. Sci. thesis (History). Moscow, 2000. (In Russ.)

Zdravomyslov K. Ya. *Archive and Library of the Holy Synod and Consistory Archives*. St Petersburg, 1906. (In Russ.)

Ilyushenko M. P. *History of Records Management in Pre-Revolutionary Russia*. Moscow, 1993. (In Russ.)

Kosykh V. I. Archaeological Societies of Russian Orthodox Church (the Late 19th — the Early 20th Centuries). *Scientific Notes of the Trans-Baikal State University. Series: Philology, History, Oriental Studies*, 2009, pp. 121–126. (In Russ.)

Krylov N. S. From the History of the Synodal Archive of the 18th Century. *Domestic Archives*, 2014, no. 4, pp. 3–11. (In Russ.)

Nechaeva M. Yu. Statements on the Monastics in the Synodal Period as a Historical Source. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii = Bulletin of Ekaterinburg Theological Seminary*, 2018, no. 4 (24), pp. 231–265. (In Russ.)

Nechaeva M. Yu. *Monasticism of the Middle Urals during the Synodal Period: Principles of formation and social composition*. Ekaterinburg, 2019. (In Russ.)

Plotnikov G. S. *Description of the Male Dalmatovsky Assumption Monastery and the Former Women's Vvedensky Monastery Assigned to It (in the Ekaterinburg Diocese of Perm Province)*. Ekaterinburg, 1891. (In Russ.)

Rusakova S. V. *The Evolution of the System of Documenting the Activities of Provincial Institutions of the 18th — Early 19th Centuries: According to the documents of the State Archive of the Tver region*. Cand. Sci. thesis (History). Moscow, 2006. (In Russ.)

Slovtsov I. The Solikamsk-Istobensky Holy Trinity Third-Class Monastery. *Perm Diocesan Gazette*, 1869, no. 51, Unofficial section, pp. 585–593; no. 52, pp. 511–523; 1870, no. 2, Unofficial section, pp. 7–19; no. 3, pp. 21–33. (In Russ.)

Slovtsov I. The Pyskor Preobrazhensky Stauropegial Second-Class Monastery. *Perm Diocesan Gazette*, 1867, no. 12, Unofficial section, pp. 203–207; no. 13, pp. 209–216; no. 14, pp. 217–224; no. 15, pp. 233–237; no. 21, pp. 343–348; no. 24, pp. 389–393; no. 25, pp. 408–414; no. 27, pp. 425–430; no. 28, pp. 439–443. (In Russ.)

Snytko O. V. Archive of the Novgorod Ecclesiastical Consistory: History, Problems of Creating a Scientific Reference Apparatus. *St. Tikhon's University Review. Series II: History. The History of the Russian Orthodox Church*, 2005, issue 18, pp. 171–194. (In Russ.)

Spichak A. V. *Documents of the Parish Churches of the Tobolsk Diocese of the 18th — Early 20th Centuries: The Main Varieties and Evolution of Forms*. Nizhnevartovsk, 2017. (In Russ.)

Spichak A. V. *Personnel Records Management in the Tobolsk Diocese in the 18th — Early 20th Centuries*. Nizhnevartovsk, 2018. (In Russ.)

Starostin E. V. *Archives of the Russian Orthodox Church (10th–20th cc.)*. Moscow, 2011. (In Russ.)

Tsemenkova S. I. *History of Russian Archives from Ancient Times to the Beginning of the 20th Century*. Ekaterinburg, 2015. (In Russ.)

Информация об авторе

Нечаева Марина Юрьевна

старший научный сотрудник Центра
методологии и историографии
Институт истории и археологии
Уральского отделения Российской
академии наук
620108, Российская Федерация,
г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, 16
E-mail: atlasch@yandex.ru

Information about the Author

Nechaeva, Marina Yurievna

Cand. Sci. (History), Associate Professor
Senior Researcher, Center for Methodology
and Historiography
Institute of History and Archeology, Ural
Branch of the Russian Academy of Sciences
16 Sofia Kovalevskaja Str., 620108
Ekaterinburg, Russian Federation
E-mail: atlasch@yandex.ru
<https://http://orcid.org/0000-0003-3278-7269>